

нарисован на самой картине. И это совершенно верно. Очень легко показать, что загадка нарисована в самой трагедии, что трагедия умышленно построена как загадка, что ее надо осмыслить и понять именно как загадку, не поддающуюся логическому растолкованию, и если критики хотят снять загадку с трагедии, то они лишают самую трагедию ее существенной части»¹.

Итак, мы предложили свою догадку (одну из множества возможных догадок) о неопределенности «Бледного пламени»: неразрешимую загадку структуры романа во многом обеспечивает его фикциональный комментарий. Этот комментарий не дает *ответа* на вопросы поэмы, но формулирует *вопрос* (и это вопрос более высокого нарративного уровня), чем труден для понимания сам набоковский роман².

Н. Ю. Грибовская

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ВОСПРИЯТИИ ТВЕРСКОГО ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ

Территориальные диалекты, будучи одной из форм существования языка народности, являются важным объектом для исследования. Представляя собой особый уникальный тип русской разговорной речи, отражающей многовековой опыт народной речевой культуры, диалекты сегодня не исчезли под влиянием литературного языка, несмотря на бытовавшее долгое время отношение к диалектной речи как к неправильной, безграмотной и подлежащей безоговорочному искоренению. Трудно преувеличить всю важность изучения особенностей слов, не вошедших в фонд литературного языка вследствие своей территориальной ограниченности. В диалектной лексике отражено оригинально-специфическое народное мироощущение, в ней – богатейший материал для

¹ Выготский Л. С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции. М.: Издательство «Лабиринт», 1997. С. 201.

² Ср. мысль М. Л. Гаспарова: «Задача комментария – сформулировать вопрос: чем трудно для понимания такое-то стихотворение. Не ответ, а вопрос». Гаспаров М. Л. Записи и выписки // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 426.

изучения истории языка и истории народа, который не должен бесследно исчезнуть для науки и будущих поколений.

На территории Тверской области функционируют все диалектные разновидности русского языка: говоры севернорусского и южнорусского наречий, а также среднерусские говоры. В силу такой сложности лингвистического ландшафта Тверского края, местная лексика отличается необыкновенной пестротой, богатством и разнообразием. Данная статья посвящена лексике тверских говоров, характеризующей человека.

Разнообразные мнения, впечатления, представления о человеке – о его физическом облике, эмоциональном состоянии, интеллекте, отношении к окружающему миру и пр. – находят отражение в словарном запасе диалектоносителей. Исследуя «языковой образ» человека, мы можем воссоздать жизнь людей, их чувства, мысли, систему ценностей, так как именно в лексике наиболее ярко проявляются специфические черты ментальности.

В языковой картине мира вербализованы представления о человеке как многомерной системе, включающей различные самостоятельные, но при этом взаимосвязанные аспекты, измерения, сферы личности. Самыми крупными структурными элементами этой многомерной системы являются аспекты «внешний человек» и «внутренний человек». В семантическом пространстве эти аспекты одновременно и противопоставлены друг другу, и неразрывно друг с другом связаны.

Семантическое поле «Человек» включает в себя лексемы, обозначающие какие-либо свойства, качества человека, его действия и поступки, взаимодействие с окружающим миром. Наполнение полей определяется актуальностью соответствующих понятий для диалектоносителей. Лексика данного поля характеризует человека и как биологическое существо, и как члена социума.

При характеристике человека как биологического существа наиболее обширными являются группа полей, обозначающих физические потребности человека («одеваться», «спать», «отдыхать», «справлять нужду» и др.;). Центральным среди них является «еда». Еда – естественное и непереносимое

условие физического существования человека, а потому человек, принимающий пищу, осознается как норма и не получает языковой маркированности (равно как и человек спящий). Однако любые отклонения от нормы – в способе приема пищи или в количестве потребляемой пищи – немедленно подмечаются носителями диалекта и фиксируются языком.

В зависимости от скорости потребления пищи для характеристики человека в говорах Тверской области используются лексемы *межеёдок* – 'тот, кто медленно ест', *мямля* – 'медленно, лениво пережевывающий пищу', *рассулай* – 'медленно пьющий, неловкий человек', а также лексемы *зубарь*, *зубастик* и *вары́згало/а* – 'тот, кто скоро ест', *лохтёря* – 'тот, кто жадно, быстро уплетает пищу' (от глагола *лохтерить* – 'жадно, быстро есть'). Как видим, здесь антонимической группой представлены «полярные» характеристики человека: и быстрый, и медленный прием пищи равно осознаются как отклонение от нормы. Человек, который 'ест на ходу, торопясь, когда попало', также получает языковую маркированность и называется *кусóвник/кусóвница* и *кусоло́вник/кусоло́вица* (от глагола *кусóвничать* – 'есть походя, когда и где ни попало, наедаться за работой').

Значение 'человек, любящий вкусно поесть, лакомка, сладстена', в Тверских говорах имеют лексемы *лакомогу́з*, *сли́за*, *ули́вень*, *ули́вник*, *слябу́н/слябу́нья*, *солóща*.

Обширна и разнообразна группа лексем, характеризующая человека по количеству потребляемой им пищи. Значение 'человек, который много и жадно ест, обжора' манифестируется в говорах Тверской области синонимической группой: *живогло́т*, *брюхо́ня*, *бряхо́ня*, *ло́па*, *мамо́ня*, *мамо́н*, *мешо́к*, *мя́лица*, *мя́ло*, *настегáй*, *не́насыть*, *облоё́жа*, *облоп́жа*, *обрю́да*, *обрю́та*, *объё́да*, *пентю́шник*, *пéнтюх*, *разо́ра*, *разо́рва*, *стебуні́на*, *треску́н*, *убери́ха*, *убери́ша*, *уберу́ша*, *уберо́ха*, *едун/еду́нья*, *едо́ха*, *едо́чка*, *еда́чка*, *лака́ла*, *лака́ло*, *ло́пала*, *оплёта*, *оплету́ха*, *прибиру́ха*. По способу номинации наименования человека со значением 'обжора' можно классифицировать следующим образом.

Наименования, объект номинации которых маркируется по органу пищеварительной системы человека. Сюда отнесем лексемы, значения которых мотивированы различными наименованиями живота, желудка человека – просторечными и диалектными. *Брюхо́ня*, а также фонематический вариант *брюхо́ня* – от просторечного «брюхо». *Мамо́н*, а также вариант *мамо́ня* – от «мамо́н» ('брюхо, желудок'). *Пентю́шник* и *пéнтюх* – от «пéнтюх» ('брюхо, пузо, желудок').

Наименования, объект номинации которых маркируется по действию. Это лексемы, значения которых мотивированы различными глаголами со значением 'есть, кушать' – и литературными, и просторечными, и диалектными. *Объе́да*, *еду́н*, *едо́ха* – от глагола «есть». *Мя́ло*, *мя́лица* – от глагола «мя́лить» ('есть'). *Мяту́ля* от глагола *мять* ('жевать, есть'). *Ло́па*, *ло́пала*, – от глагола «ло́пать» ('есть много, жадно, по-собачьи'). *Треску́н* – от глагола «трескать» ('жадно поедать'), *оплету́ха*, *оплёта* – от глагола «оплетать» ('жадно есть'). *Настегáй* – от глагола «настегаться» ('насытиться'), *стебуні́на* от глагола «стеба́ть» ('жадно есть'). *Убері́ха*, *приберу́ха*, *уберу́ша*, *уберо́ха* – от глагола «убирать» ('есть жадно'), *не́насыть* – от «насытиться», *живогло́т* – от «глотать», *лака́ла* и фонематический вариант *лака́ло* – от глагола «лакать» ('пить по-собачьи, прихлебывая языком').

Наименования, объект номинации которых маркируется по внешнему виду. *Обрю́да* и фонематический вариант *обрю́та*, кроме значения «обжора», в тверских говорах имеют значения 'болезненно толстый, обрюзглый' и 'человек с толстым лицом' (от глагола «обрюзгать, обрюзнуть» – 'опухать, обрюзгнуть'). Значение лексемы *мешо́к* ('обжора') мотивировано основным, прямым значением и образовано в результате метафорического переноса по внешнему сходству (набитый мешок) и общей функции (беспорядочное потребление пищи в больших количествах, словно «в мешок», как говорится в русской поговорке о человеке, который ест много: «Набивал мешок, навалил полну зобню»).

Наименования, объект номинации которых маркируется и по своему внешнему виду и по действию. Так, значения лексем «облое́жа» и «обло́пжа»

мотивированы прилагательным «*облый*» ('круглый, толстый') и глаголами «есть», «лопать».

Интересно, что при столь значительном количестве лексем со значением «обжора» в тверских говорах полностью отсутствует лексика, характеризующая человека, который ест мало. Отсутствие антонимических отношений такого рода позволяет сделать вывод, что отклонением от нормы в сознании диалектоносителей является лишь превышение количества потребляемой пищи. Это подтверждают и русские пословицы: «Много есть – невелика честь. Большая сыть брюху вредит. Дай брюху волю – брюхо города выест».

Поле «болезнь» отражает названия болезненных состояний и их проявлений, выздоровления и здоровья. Здоровье человека является одной из его главных нематериальных ценностей, что и находит непереносимое отражение в языке: говоры Тверской области чрезвычайно богаты лексикой, характеризующей человека по состоянию его физического здоровья. Как показывает собранный материал, лексико-семантическая группа (ЛСГ) прилагательных, характеризующих физическое состояние человека, состоит из двух полярных лексико-семантических подгрупп: «Здоровый» и «Больной». Значение «здоровый» в говорах Тверской области репрезентируется следующими лексемами: *дюжо́й*, *дро́бный*, *те́льный*, *мясови́тый*, *ра́жий*. Причем члены данного синонимического ряда являются идеографическими синонимами, т.к. все эти лексические единицы имеют в структуре своих лексических значений дополнительные семы, дающие добавочные характеристики свойств здорового человека. Так, *дюжо́й* не просто «здоровый», а еще и «сильный», *ра́жий* – не только «здоровый», но еще и «дородный, сильный, красивый», *дро́бный* - означает «здоровый, тучный». Лексемы *те́льный* и *мясови́тый*, обладающие прозрачной внутренней формой, имеют значение «здоровый, полный». Анализ прилагательных этой ЛСГ показывает, что в представлении диалектоносителей здоровый человек обязательно обладает красотой, силой и полнотой.

Для человека, имеющего слабое физическое здоровье, в тверских говорах используются лексемы: *халя́вый*, *хви́лкий*, *хви́лый*, *хворый*, *хво́рый*, *ча́верый*,

чавре́нный, издо́хлый, кве́лый, кве́лый, лядно́й, ляда́жный, ляда́щий, ляда́вый, немо́жной, немо́жный, немо́глый, недужный, морно́й, ни́щенский, подхи́лый, посме́ртный, проки́слый, сдо́хлый, калекова́тый, соложа́вый, бо́лестный, мля́вый, рахма́нный, обвалю́щий, по́рченный, припе́тый, хрипо́й. Очевидно, что лексико-семантическая подгруппа прилагательных, имеющих значение «больной», гораздо обширнее и разнообразнее по составу антонимичной подгруппы прилагательных со значением «здоровый», что совершенно естественно, так как именно недостаток физического здоровья человека является отклонением от нормы, а потому и получает маркированность в языке диалекта.

Психическую сферу жизнедеятельности включает в себя поля «мышление», «интеллект». ЛСГ со значением «умный» довольно широко распространена, включает общую положительную оценку способностей умственно полноценного человека и представлена лексемами: *мозголо́вый* – ‘умный, сообразительный’, *остроу́мок* – ‘умный, находчивый человек’, *подуми́тый* – ‘мыслящий, все обдумывающий человек’, *вы́тнный* – ‘умный, деловой’, *ду́мный* – ‘разумный, умный, думающий’, *голова́стый* – ‘умный, способный’, *мудра́стый* – ‘мудрый’. Поскольку очевидна связь «умный – образованный», к этой же ЛСГ отнесем такие слова, как: *большая голова* – ‘ученый, умный, образованный’, *проду́бленный* – ‘ученый’ («Он, пропитанный ученьем, проду́бленный»), *изучённый* – ‘грамотный, образованный, ученый’, *изуча́тель* – ‘человек, изучающий, изучивший что-либо’.

Способность человека к мыслительной деятельности, оценка сообразительности, живости и быстроты ума представлена словами: *помыслистый* – ‘быстрый в соображении и планах’, *приду́мистый* *приду́мчивый* – ‘имеющий быстрое соображение’, *смыслённый*, *смыслистый* – ‘сметливый, смышленный’, *сно́рвистый*, *сно́рвитый*, *сно́рвный* – ‘сметливый’, *дото́шный* – ‘любопытный, догадливый’, *тямки́й* – ‘наблюдательный, заметливый, понятливый’, *востря́к* – ‘догадливый, расторопный человек’.

Не имеет синонимов в литературном языке слово *отковы́рчивый* – ‘после долгой думы находчивый на остроту’. Передача в языке таких тончайших

нюансов наблюдаемых фактов отражает аналитическую глубину и точность народного мышления.

Особое свойство ума выражает лексема *проя́ва* – ‘человек, наделенный какими-либо особенными качествами; выдумщик’. В народном сознании тесна связь «мыслящий человек – хороший хозяин»: *рассу́дливый* – это и ‘рассудительный’ и ‘хозяйственный’ (Ср. в пословице «Свой умок – свой домок»).

Довольно немногочисленны слова, характеризующие человека незначительных умственных способностей, посредственного, не отличающегося высоким интеллектом. Это *межеу́мок*, *немудри́стый* и *безразу́мный* – ‘не слишком умный’.

Самая значительная в количественном отношении ЛСГ со значением «глупый» характеризует умственно неполноценного человека. Она представлена множеством слов, дающих общую негативную оценку интеллектуальных способностей человека и отличающихся оттенками значения и разной степенью экспрессивности.

‘Бестолковый, недалекий, глупый человек, дурак, болван, балбес’ – в таких значениях употребляются в тверских говорах слова: *амéля*, *глупина*, *балаба́н*, *болваню́га*, *вы́долбок* *ду́ров* *дура́нюшка*, *дурносо́п*, *дуранда́с*, *дуранда́сина*, *дурако́в*, *ду́рый*, *елуфи́м*, *дурошлѐп*, *каплоу́х* и *каплу́х*, *недои́м*, *недои́мка*, *обме́н*, *обморок* и *обморóк*, *морóк*, *обморóт*, *обу́шник*, *одѐр*, *о́мут*, *осло́п*, *осло́пень*, *пéндюх*, *полéнница*, *полуу́мок*, *простыни́ца*, *снۇра*, *снۇрак* *столпеню́га*, *столпеню́к*, *разулимáн*, *езóп*, *калабу́ха*, *легкоу́мок*, *моргафо́ня*.

Как видим, за немногим исключением (например, *дура́нюшка* – ласк. к *дурак*, *дура*), эта группа слов характеризуется резко отрицательной окраской, отличаясь различной степенью экспрессии. Некоторые слова даются в словарях с пометой «бранно»: *елуфи́м*, *одѐр*, *снۇра*, *снۇрак*, *разулимáн*, *болваню́га*.

Ряд слов с общей семантикой «глупый», обозначая различную степень отсутствия интеллекта, несет еще и дополнительную смысловую нагрузку. Так, *столпеню́к*, *столпеню́га* – не просто ‘простофиля, дурак’, но ‘дурак высокого роста’, также и *болванюга* – ‘большой ростом, да глупый’. *Калабу́ха* –

‘неуклюжий, толстый и глупый человек’. *Одёр* скажут о глупом, ленивом, дрянном человеке: «Эдакого одра́ выкормил, а ничегошенько не робит». Слово *балбёс* в Селижаровском и Осташковском районах имеет значение не только ‘болван’, но ‘рослый, неунывающий невежа’. *Дурносón* в Калязинском и Старицком районах не просто ‘дурак’, но ‘глупый, бестолковый и упрямый человек’ (кстати, в Кашинском районе эта лексема зафиксирована именно со значением ‘упрямец’).

Исследуемый материал показывает нам, как все многообразие проявлений личности, ее качеств, свойств, находит отражение в языке диалектоносителей. Мы видим, что за небольшим исключением анализируемая лексика имеет ярко-выраженную экспрессивно-эмоциональную окраску, а явное преобладание лексем с отрицательно-оценочным значением фиксирует некоторые нарушаемые нормы в поведении человека. Объем исследуемых семантических полей, относящихся к человеку, находится в прямой зависимости от актуальности того или иного понятия для носителей говоров, что дает нам представление о мировосприятии русского человека.

К. Ю. Мосесова

ТЕКСТЫ-РЕПУТАЦИИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА В «БУЛЬВАРНЫХ» СМИ

Одна из принципиально значимых задач СМИ – формирование системы ценностей в сознании потребителя информации. В процессе создания мира образов, мира виртуальной реальности СМИ «специально подбирают, корректируют и объединяют в некую систему проявления свойств, особенностей носителя образа, чтобы соблазнять аудиторию»¹. Задача «желтой прессы», создающей, в частности, образы красивой жизни или, напротив, асоциального характера, «поглотить полностью внимание аудитории, разбудить ее

¹ Полборн Р. Образ и предвкушение. М.: Флинта, 2003. С. 8.